

Венский кружок и переход от физикализма к пробабилизму¹.

А. П. Огурцов

Физикализм, будучи формой перевода языка «неточных наук» (психологии, биологии, социологии) на язык физики как точной науки, является одновременно формой сциентистского миропонимания, для которого методы и понятия естествознания, прежде всего физики, обладают преференциями и являются эпистемологическими и методологическими образцами для всех остальных форм знания. Физикализм выполнял критическую функцию относительно других форм знания, в которых явно или неявно вводились ненаблюдаемые сущности, даже давалось их теоретическое описание и тем самым язык этих наук включал множество далеких от реальных референтов сущностей (идеальных объектов, фикций, операторов, функторов и т.д.) и бессмысленных предложений. Физикализм был способом очищения языка науки. Он был аналитическим и основывался на каузальном объяснении, т.е. неопозитивистское миропонимание (кроме феноменализма М.Шлика) исходило из универсальности причинно-следственных связей, их действительности и реальности, и в мире знания. Однако уже квантовая механика, прежде всего принцип неопределенности В.Гейзенберга, отказала каузальному объяснению в универсальности. В квантовой механике возникли вероятностные модели описания квантово-механических явлений. Это и было одной из причин осознания недостаточности физикализма и перехода к пробабилизму.

Пробабилизм – это миропонимание, которое исходит из вероятностных идей, из осознания значимости математической теории вероятности как в естественных, так и в социогуманитарных науках, предполагает 1) отказ от критерия истинности знания как абсолютистского и теологического, 2) выдвижение критерия правдоподобности знания, 3) выявление степеней вероятности знания, 4) что находит свое выражение в принципах построения статистической физики, теории эволюции, в экономической теории предельной полезности, ставшей основой политической философии либерализма (Л.Мизес, Ф.Хайек, К.Поппер). Теория предельной полезности, или австрийская школа экономической теории и политической философии, основывалась на таких принципах, как индивидуализм, выбор субъекта действия, роль субъекта в ситуации неопределенности, критическое отношение к надындивидуальным структурам, динамическим естественным законам (об этом см. ниже). Вероятностное миропонимание, родившееся в лоне математики, а не физики, не просто универсализировало язык теории вероятности, а сделало из этой универсализации вполне четкие и последовательные эпистемологические и методологические выводы, отказавшись от критерия верификации и заменив его критерием фальсификации, предложив идею фаллибилизма (отягощенности знания ошибками) и построив теорию познания на идее гипотетичности знания. Тем самым прежнее различие Венского кружка эмпирического и теоретического языков оказалось под вопросом: эмпирическое знание нагружено теоретическими предположениями и понятиями, а само это различие стало интерпретироваться как лишь аналитическое и действующее на границах теорий.

1. Генезис пробабилизма и вероятностной методологии.

Латинское слово *probabilitas* (вероятность, правдоподобие) и *probabilis* (вероятный, достоверный) по своей этимологии связаны со словом *probo* (испытывать, проверять). На первых этапах логико-методологической мысли проблема статуса вероятностного мнения в противовес истинному знанию трактовалась в рамках классической философии знания.

¹ Исследование осуществлено по гранту РФФИ № 07-03-00284а

Истинное знание решительно противопоставлялось правдоподобному мнению не только в античности, но и в средние века, хотя на переломе Возрождения и новоевропейской науки возникла и живо обсуждалась проблема вероятности «моральных суждений». Иными словами, вероятное мнение обсуждалось в рамках этики. Пробабиллизм – это моральное учение, согласно которому при принятии практического решения из-за незнания полноты истины надо исходить из того мнения, которое представляется наиболее вероятным и доказательным². Потребовалось длительное время для того, чтобы вероятность из характеристики моральных суждений вошло в гносеологию и методологию, было признано в качестве вероятностного знания (а не мнения). Д.Граунт (1620-1674) на основе таблицы продолжительности жизни вычислил среднее ожидание жизни для различных возрастов, став основателем не только статистики населения, но и вообще статистики. Для обоснования подсчета продолжительности жизни он использовал понятие «hazard» - случай, или вероятность умереть от той или иной причины. В 1662 г. выходит книга «Логика или искусство мыслить», где ее авторы – А.Арно и П.Николь провели различие между двумя видами истин, одна из которых относится к сущности вещей, а другая – к случайным событиям, могущим произойти или не произойти. Применяв это понятие к вере как в чудеса, так и в события, они, отметив принципиальное различие между метафизической и моральной достоверностью, обсуждают вопрос о том, как можно выбрать вероятное мнение. Вероятность здесь трактуется как степень достоверности суждений, причем особо подчеркивается, что метафизическая достоверность здесь не достижима. В другом смысле вероятность употребляется ими при анализе игры, где каждый надеется получить девять эку и может проиграть один эку и для каждого вероятность проиграть один эку относится к вероятности выиграть девять эку как девять к одному. Таким образом одно уравнивается другим»³.

После логики Пор-Рояля началось движение к признанию и к построению пробабилистской эпистемологии, хотя еще у Лейбница сохраняется различие моральной и логической достоверности и проводится мысль о том, что знание – это достоверное и уверенное знание, а мнение – это вероятное знание (обращаю внимание - вероятное знание, а не мнение)⁴. Это движение связано с именами Д.Локка, Лейбница, Д.Юма⁵. Именно работы этих ученых позволили не просто противопоставить истинное знание и вероятное мнение, но и найти пути универсализации понятия «вероятности» и его приложения в разных областях жизни. Возникла то, что можно назвать вероятностной (пробабилистской) эпистемологией. До этого поворота в новоевропейской философии к пробабилизму в методологии пробабилизм был тождественен этическому оправданию моральных суждений с помощью ссылок на мнение тех или иных авторитетов, обладающих той или иной степенью вероятности.

Католическая метафизика (Л.Молина, Ф.Суарес) обсуждала проблему отношения божественной благодати и свободной воли человека, моральных предписаний и конкретного выбора человека⁶. Если Фома Аквинский отдавал предпочтение необходимым, рациональным доказательствам, то иезуиты обратили внимание на роль вероятных, диалектических суждений в познании. Католики, прежде всего иезуиты,

2 См. Корзо А.М. Иезуитизм // Этика. Энциклопедический словарь. М., 2001. С.163.

3 Арно А., Николь П. Логика или искусство мыслить. М., 1997. С.286.

4 Leibniz G.W. Elementa juris naturalis // Die Werke gemaes seinem handschriftlichen Nachlass. Bd.5 Hannover. 1866. S. 453. Цитю по кн.: Шейнин О. Статьи по истории теории вероятностей и статистики. Ч.П. Берлин. 2008. С.58.

5 Об этом см.: Огурцов А.П. Методологические правила и этические нормы (к истории проблемы) // Этика науки. М., 2007. С.3-53.

6 Шмонин Д.В. О философии иезуитов, или «Три крупницы золота в шлаке схоластики» (Молина, Васкес, Суарес) // Вопросы философии 2000. №5. С.141-152; его же. Фокус метафизики. Порядок бытия и опыт познания в философии Ф.Суареса. СПб., 2002. (

обсуждая проблему оправданности моральных суждений и решений связывали мнение в пользу свободы с оценкой оправданности этого мнения, различая пробабилиоризм (от лат. *probabilior* – более вероятный) и эквипробабиллизм (от лат. *aequiprobabilis* – равновероятный), т.е. по степени вероятности. В первом случае речь идет о следовании мнению, более вероятному, а во втором случае разрешается руководствоваться мнением в пользу свободы и тогда, когда вероятность противоположного мнения равна вероятности другого мнения. Как мы видим, здесь нет речи о количественной оценке вероятности мнений, а лишь о том, что одно из них «больше», «меньше», «равно» вероятности другого мнения. Трудность заключалась в том, что пробабилистская этика предполагала критерий правдоподобности этических систем, однако такого рода критерию подвержены лишь альтернативные этические системы, но отнюдь не та, из которой исходит сам автор⁷. В противовес пробабилиоризму, который отстаивался прежде всего доминиканцами, иезуиты отстаивали идеи пробабилизма в этике. Б.Паскаль подверг критике пробабилизм иезуитов в «Письмах к провинциалу»⁸.

Паскаль, как известно, был тем ученым, который начал исследовать проблемы математической теории вероятностей. Более того, он постоянно стремился взвешивать вероятности «за» и «против». Даже христианство он подвергает такого рода взвешиванию. В этом отношении показательно его рассуждение относительно того, «Бог есть или Бога нет?» в «Мыслях». «...разыгрывается игра, исход которой не известен. На что Вы будете ставить? Разум здесь не при чем, он не может указать вам выбора. Поэтому не говорите, что сделавшие выбор заблуждаются, так как ничего об этом не знаете...делать ставку необходимо: не в вашей воле играть или не играть...вы можете проиграть две вещи, истину и благо, и две вещи вам приходится ставить на карту, ваши разум и волю, ваше познание и ваше блаженство; природа же ваша должна избегать двух вещей: ошибки и бедствия. Раз выбирать необходимо, то ваш разум не потерпит ущерба ни при том, ни при другом выборе. Это бесспорно; а ваше блаженство? Взвесим выигрыш и проигрыш, ставя на то, что Бог есть. Возьмем два случая: если выиграете, вы выиграете все; если проиграете, то не потеряете ничего. Поэтому не колеблясь, ставьте на то, что Он есть»⁹. Далее Паскаль обсуждает степени риска – при выигрыше бесконечной блаженной жизни. Рассматривая проблему религиозного выбора человека, Паскаль обсуждает ее в терминах тогдашней математической теории вероятности, которой он занимался. По его интерпретации, наше предложение (о существовании Бога) имеет бесконечную силу, когда в игре имеется конечное, которое рискуют проиграть, равные шансы выигрыша и проигрыша, и бесконечность, которую можно выиграть¹⁰. О том, что Паскаль заложил начала математической теории вероятностей, свидетельствует его переписка с Ферма 1654

7 Об этическом учении иезуитов см. *Катасонов В.Н.* Метафизическая математика ХУП в. М.,1993.С.111-119.

8 Издеваясь над рассуждениями иезуитов, которые «при помощи самого утонченного из всех новых методов и самой глубочайшей основы учения о вероятности» доказывали, что «как утвердительно, так и отрицательное мнение имеет, согласно нашим отцам, некоторую вероятность, вполне достаточную для того, чтобы следовать ему со спокойной совестью. Это не значит, что и «за» и «против» одновременно и в одном и том же смысле истинны, подобное – невозможно; но это значит только, что оба они одинаково вероятны и, следовательно, безопасны» (*Паскаль Б.* Письма к провинциалу. Киев. 1997.С.125). Если «морально достоверно» и утвердительное, и отрицательное мнение, то оправданно и то, и другое: «единственный ученый, если он имеет вес, может сделать мнение вероятным; обратное мнение также может быть таковым, и из этих «за» и «против» можно выбирать любое, даже если не считаешь его истинным, и притом... безопасно для совести» (Там же.С.126). Иезуит «вникает в *за* и *против* одного и того же вопроса», «на все находит основания, до того он изобретателен и проницателен» (Там же.С.134). «Плодами двоякой вероятности» оказывается оправдание вымогательства церкви, разврата монахов, даже убийств. Помимо «отпущения грехов на основании вероятного мнения» Паскаль язвительно предлагает рассмотреть с этих же позиций и решения гражданских судей: «Власть Ваша (церкви –авт.) так обширна: обяжите их оправдывать преступников» при наличии вероятного мнения (Там же.С.137-138).

9 Паскаль Б. Мысли. М.,1994.С. 132.

10 Там же. С.134. Перевод О.Хомы исправлен.

г.¹¹ » При решении они выработали вероятностный подход, деля ставку пропорционально вероятности выиграть всю ставку, если игра будет продолжена»¹². В.Н.Катасонов усматривает в этом рассуждении Паскаля неэксплицированное предвосхищение понятия математического ожидания как среднего значения случайной величины и выражает его в формуле $M=(-a): \frac{1}{2} + \dots : \frac{1}{2} = \dots$ ¹³, где a - цена жизни, знак минус то, что мы можем ее проиграть, - цена бесконечного блаженства, $1/2$ - равные вероятности достоверности религиозных убеждений или их ложности. Иными словами, Паскаль разворачивал скептические аргументы, доказывая с помощью исчисления вероятностей оправданность веры в Бога и отрицания его существования. Критикуя пробабиллизм иезуитов, Паскаль обратился к теории вероятностей в качестве средства не только полемики с ними, но и оправдания своего скептического аргумента. Паскаль после этих писем к Ферма более не возвращался к анализу вероятностей, сообщив ему о том. Что намерен написать несколько трактатов, в том числе о геометрии случая. Что за трактат, остается гадать (А.Реньи попытался его реконструировать, однако существуют вполне обоснованные сомнения в достоверности его реконструкции¹⁴). Полагаю, что прав Ю.В.Чайковский, который увидел в треугольнике Паскаля попытку расшифровки смысла правил подсчета числа исходов при падении игральной кости¹⁵. Треугольник Паскаля позволял найти по найденным значениям следующее значение. Кроме того, Паскаль предлагает арифметическую форму (треугольник) для определения набора чисел, которую считают равноценной аналитической. Паскаль стремился дать геометрическую модель исчисления вероятностей, хотя и подчеркивал, что вероятность определяется «усилиями разума», а не из опыта. Поскольку вероятность им определяется как отношение числа благоприятных случаев к числу всех возможных случаев, постольку в нем можно видеть одного из родоначальников априорного понимания вероятности, которое, конечно, было развито позднее Я.Бернулли, сформулировавшего закон больших чисел и априорное понимание вероятности: «И что не дано вывести а priori, то, по крайней мере, можно получить а posteriori, т.е. из многократного наблюдения результатов в подобных примерах...Этот опытный способ определения числа случаев по наблюдениям не нов и не обычен»¹⁶. Якоб Бернулли дал доказательство закона больших чисел и пытался объединить в «Искусстве предположений»(1713) общим понятием вероятности ее различные трактовки (моральную, логическую, статистическую и, наконец, априорную, или отношение числа благоприятных исходов к общему числу исходов).

Надо сказать, что идея вероятности получала разное, порой даже альтернативное обоснование – с помощью понятия случай, возможность, шанс, событие, массовых процессов пока Лаплас не обосновал теорию вероятностей с помощью понятия случайной величины. С этих пор теория вероятностей получила широкое распространение в статистике населения, в теории ошибок, в юриспруденции, экономике, статистической физике, астрономии, технических науках, теории принятия решений и других областях человеческой деятельности. При всех различных формах обоснования вероятности не следует отождествлять пробабиллизм с иезуитским пробабиллизмом, т.е. с определенной исторической его формой. Как заметил Р.фон Мизес, «было бы чрезвычайно полезно для научного понятия вероятности, которое мы разовьем впоследствии, использовать такое неупотребительное в других смыслах слово, как, например, «Probabilitaet». Но что

11 Ее перевод см.: *О.Шейнин*. Хрестоматия по истории теории вероятностей и статистики. Берлин. 2006. С. 8-27. Детальный разбор этой переписки см.: *О.Шейнин*. Статьи по истории теории вероятностей и статистики. Ч.П. Берлин. 2008. С.90-97.

12 История математики. Т.2. Математика ХУП столетия. М.,1970,с.86.

13 Катасонов В.Н. Цит. соч., С.118.

14 Реньи А. Письма о вероятности. М.,1980.С.121-198.

15 Чайковский Ю.В. Что такое вероятность? Эволюция понятия (от древности до Пуассона) // Историко-математические исследования. М.,2001.Вып.6(41). С.44.

16 Бернулли Я.О законе больших чисел. М.,1986.С.42.

поделаешь, это не соответствует терминологии, которая имелаась до сего времени»¹⁷. Как мы видим, Мизес опасается использовать термин «Probabilitaet» из-за несоответствия этой терминологии современности, или из-за ее архаичности, отождествляющей пробабилизм с иезуитизмом. Между тем такого рода отождествление пробабилизма с иезуитским пробабилизмом сохраняется не только в отечественной историко-философской литературе (весьма немногочисленной), но и в зарубежной. Это отождествление не позволяет осмыслить формирование нового вероятностного миропонимания, сформулировать принципы и критерии вероятностной эпистемологии, найти пути объединения разошедшихся исследований, использующих вероятностные методы и понятия.

С 1928 г., когда написана эта книга, многое изменилось. Вероятность (Probabilitaet) стала одним из важнейших концептуальных аппаратов научного знания. На основе аппарата математической теории вероятности возник и развивается пробабилизм. *Пробабилизм – это миропонимание, которое кладет в свое основание идею вероятности, рассматривая мир как совокупность вероятных процессов и событий, а знание как семантику дискурсивных практик вероятностных высказываний и гипотез-предположений.* То, что теория вероятности, получив аксиоматическую форму в трудах А.Н.Колмогорова, стала математической теорией лишь увеличивает ее эвристическую мощь, демонстрируя не только ее эффективность как математической теории, но и расширение возможностей ее приложений.

Наиболее ярким выражением пробабилизма является концепция критического рационализма К.Поппера. Критикуя индуктивизм в трактовке науки, он показал, что, во-первых, законы науки, претендующие быть универсальными, ограничены наблюдениями в определенном пространстве и времени, во-вторых, законы науки относятся к бесконечному числу случаев в то время, как наблюдения ограничены временем и локальным пространством; в-третьих, даже большое количество наблюдений не может служить доказательством истинности индуктивного утверждения, которое может опровергнуть наблюдение одного факта¹⁸. Согласно Попперу, индуктивная верификация вообще невозможна. Вместо нее он выдвигает идею фальсификации – опровержения, истолковывая научное знание как предположительное. Гипотезы рассматриваются Поппером как более или менее вероятное знание. Фальсифицируемые гипотезы обладают вероятностью, близкой нулю. Иными словами, вероятностная оценка фальсифицируемых гипотез приводит к тому, что эти гипотезы оказываются самыми далекими от достоверности¹⁹. Из теории ошибок, в которой широко использовалась идея вероятности, вырос фаллибилизм, или осознание принципиальной погрешности и ошибочности научного знания, которое оказалось подверженным заблуждениям и ошибкам. Применение идеи вероятности в эпистемологии связано с ограничением роли критерия истины в осмыслении научного знания. *Вместо критерия истинности приоритет отдается критерию правдоподобия.* Если истина и сохраняется в эпистемологии, то скорее лишь как регулятивный идеал, но не как конститутивный принцип научного знания.²⁰

17 Мизес Р. фон Вероятность и статистика. М., 2007. С.6.

18 «все законы или теории следует считать гипотетическими, или предположительными, то есть просто догадками» (Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002. С. 20).

19 ««лучшая» или «предпочтительная» гипотеза скорее окажется наиболее невероятной» (Поппер К. Цит. соч., С. 27.).

20 «У нас есть серьезные основания полагать, что большинство наших теорий... строго говоря, ложны... Вместе с тем ложное предположение может быть ближе к истине, либо дальше от нее. И таким образом мы приходим к идее близости к истине, большего или меньшего приближения к истине – иначе говоря, к идее правдоподобности (verisimilitude)» (Поппер К. Цит соч., С.300).

Вместе с тем и индуктивизм претерпел в работах Р.Карнапа, Д.Кемени, И.Лакатоса существенные трансформации. Карнап стремился построить индуктивную логику, которая с помощью исчисления вероятности позволила бы упорядочить множество сингулярных гипотез относительно подтверждения эмпирическими свидетельствами. Центральное место в его индуктивной логике занимает понятие вероятностной меры как функции подтверждения. Не рассматривая развитие индуктивной логики, поскольку это выходит за рамки данной темы, ограничусь указанием на замечание И.Лакатоса, который, разграничив классическую и неклассическую концепции вероятности, показал неудовлетворительность концепции Р.Карнапа: «Неклассическое решение Карнапа обеспечивает, в лучшем случае, решение проблемы слабого оправдания (теорий – авт.). Оно оставляет проблему открытия, роста знания нетронутой. Последователи логического эмпиризма, таким образом, значительно урезали эмпиристскую программу. Ни Карнап, ни его союзники не уделяли сколько-нибудь серьезного внимания подлинным методологическим проблемам»²¹. В противовес индуктивной логике Карнапа Лакатос выдвигает серию понятий методологии, среди которых отметим прежде всего такие понятия, как «приемлемость», «предпосылочная теория», «оценка правдоподобия», «надежность единичных высказываний»²² и др.

Если резюмировать вышесказанное, то надо отметить, что идея вероятности была осмыслена, во всяком случае в работах К.Поппера) в своей универсальности и стала тем концептуальным аппаратом, который существенно трансформировал и эпистемологию, и понимание природы, и проблемы логики. Идея Поппера о «предрасположенности» (propensity) стала у него и основанием анализа проблем квантовой физики, и нового понимания природы. То, что идея вероятности стала решающей для эпистемологии, и для методологии в 20 в., является несомненным. Это означает, что и наше миропонимание, и наша концепция научного знания становятся пробабилистскими, хотя термин пробабилизм, нередко отождествляясь с иезуитским пробабализмом, вызывает негативные коннотации.

2. Р. фон Мизес и аксиоматизация теории вероятностей как естественнонаучной дисциплины.

Развитие теории вероятностей в 19 в. заключалось прежде всего в экспансии ее понятий в различные области естествознания и общественной жизни. Эта экспансия нередко была мало обоснованна. Итогом этого необоснованного приложения теории вероятностей был скептицизм относительно возможностей теории вероятностей как метода научного познания. Как заметил Б.В.Гнеденко, « среди математиков Западной Европы приобрел господство взгляд на теорию вероятностей как на своеобразное математическое развлечение, едва ли заслуживающее серьезного внимания»²³. Теория вероятностей, родившись у игорного стола, стала применяться к «моральным» процессам (например, установлению достоверности свидетелей и правильности приговоров, выносимых присяжными), что сделало исчисление вероятностей, как сказал Д.С.Милль, «настоящим позором математики»²⁴.

В 1854 г. Дж.Буль сформулировал задачу аксиоматизировать теорию

21 Lakatos I. Changes in the problem of inductive logic // The problem of inductive logic. Amsterdam. 1968.P.326/

22 Надежность единичных высказываний он характеризует двумя способами: во-первых, мы решаем, если можем, какая теория наиболее «надежна» среди других теорий, и, во-вторых, мы решаем на основании такой предпочитаемой теории, которая является наиболее «надежным» предсказанием для данной практической проблемы» (Lakatos I. Op.cit.,P.406).

23 Гнеденко Б.В. Развитие теории вероятностей в России // Труды ИИЕиТ Т.2.М.-Л., 1948.С.390.

24 Милль Д.С. Система логики. СПб., 1914.С.490.

вероятностей: «Принципы, на которых основаны ее методы, должны быть аксиоматическими по своей природе»²⁵. Речь шла не столько о критике классического определения вероятности через равновероятность, сколько о тех образцах чистой теории, которым отдавался приоритет в 19 в. – образцу аксиоматического построения теории. К началу 20 в. были аксиоматизированы геометрия и арифметика. Аксиоматизация теории вероятностей выдвинулась на первый план. Д.Гильберт выдвинул аксиоматизацию теории вероятностей в качестве первоочередной задачи математики: «С исследованиями по основаниям геометрии близко связана задача об аксиоматическом построении по этому же образцу тех физических дисциплин, в которых математика играет выдающуюся роль; это в первую очередь теория вероятностей и механика»²⁶. Обратить внимание на то, что теорию вероятностей он относит к физическим дисциплинам.

В 19 в. теория вероятностей развивалась как математическая дисциплина. Т.н. «Петербургская школа» теории вероятностей (П.Л.Чебышев, А.М.Ляпунов, А.А.Марков) была далека от субъективистской трактовки вероятности как меры нашего незнания, исходила из четкого определения границ применимости предельных теорем теории вероятностей. Однако эта школа была далека от проблем физики в силу отсталости русской физики в 19 в. Аксиоматизация теории вероятностей как математической дисциплины связана с работами С.Н.Бернштейна, Е.Е.Слущкого, А.Я.Хинчина и А.Н.Колмогорова (анализ этой линии в развитии оснований теории вероятности дан в блестящих работах О.Шейнина, хотя надо сказать, что он прошел мимо идеи праксеологии, развиваемой Е.Е.Слущким еще в 20-е гг. задолго до «Человеческой деятельности. Трактата по теории экономической теории» Р. фон Мизеса, 1940, рус.пер. 2005).

Мизес предложил свой вариант обоснования теории вероятностей – вариант, основанный на ее понимании как естественнонаучной дисциплины. Это т.н. частотная теория вероятностей. Отношение к ней математиков было весьма скептическим²⁷. Тем не менее она стала важным моментом математики 20 в. и игнорировать ее уже невозможно. Мизес уже в предисловии, подписанном июлем 1928 г., подчеркнул, что теория вероятностей понимается им как точная естественнонаучная теория массовых явлений и повторных процессов²⁸. Рассказывая в этом же предисловии об истории издания книги, он вспоминал: «Я очень охотно согласился на предложение моего друга Ф.Франка опубликовать мою книгу в издаваемом им совместно с М.Шликом собрании сочинений по научном миропониманию. Ибо всякая теория, созданная естествоиспытателем для какой-либо группы доступных наблюдению явлений, образует собою часть некоторой научной картины мира. Однако обычная терминология приписывает словам «миропонимание» и «мировоззрение» метафизическое значение, выходящее за пределы чисто научного познания. Я считаю необходимым указать, что по отношению ко мне подобных притязаний быть не должно. Даже в тех случаях, когда я касаюсь вопросов, излюбленных философами, я не могу сойти с точки зрения естествовика и никогда не могу поставить себе иной задачи, кроме единственной: искать возможно более простого систематического описания чувственно воспринимаемых физических обстоятельств. Предметом теории вероятностей, как и всякой другой ветви естествознания, служат...исключительно доступные наблюдению факты»²⁹. Мизес соглашается с Р.Майером в трактовке цели

25 *Boole J. Studies in logic and probability. L., 1952. P.288.*

26 Проблемы Гильберта. М., 1969. С.34.

27 «Среди большинства математиков по отношению к частотной теории господствует пренебрежительное, почти ироническое отношение...частотная теория страдает неизменными логическими пороками и поэтому с математической точки зрения, к ней даже нельзя подходить серьезно» (Хинчин А.Я. Частотная теория и современные идеи теории вероятностей // Вопросы философии, 1981 №1, с.92).

28 Мизес Р. фон. Вероятность и статистика. М., 2006. С. У.

29 Там же. С.У1.

науки – «вносить порядок и обозримость в многообразие наблюдаемых явлений, предсказывать течение наблюденных явлений и указывать, каким путем можно вызывать определенные желаемые события»³⁰.

Язык наблюдения отождествляется Мизесом с базисным языком, который совпадает с языком относительных частот появления того или иного признака изучаемых явлений. Понятия, не принадлежащие базисному языку, могут быть допущены в теорию, если они допускают интерпретацию на языке относительных частот. Понятно, что не всякое понятие теории может быть интерпретировано на языке наблюдения и допущено в язык теории. Центральными понятиями интерпретации Мизесом теории вероятностей являются понятия коллектива, или массовых процессов³¹, и относительной частоты (отношение числа появления события к общему числу испытаний), которая должна иметь предельное значение, остающееся неизменным. Уже понятие предельного значения относительной частоты предполагает бесконечную серию испытаний, проводимых при сохранении условий, не сохраняющихся в реальности. Иными словами, базисный язык наблюдения предполагает и включает в себя идеализации реальности – «точные идеализированные понятия чистой геометрии неизбежны, если мы хотим разобраться в окружающем нас мире»³². Но тем самым это допущение нарушает исходный принцип редукции к языку наблюдения³³. Увеличение числа испытаний позволяет уточнить понятие коллектива: «Коллектив есть массовое явление или повторный процесс, короче, ряд единичных наблюдений, при котором обоснованно предположение, что относительная частота появления каждого единичного наблюдаемого признака стремится к определенному предельному значению»³⁴. Мизес на материале демографии, страхового дела, азартных игр, физики продемонстрировал ход исследования массовых явлений с помощью концептуального аппарата его теории вероятностей. Позднее в работе «Математическая теория вероятностей» он трактует понятие «коллектив» как математическую идеализацию эмпирической реальности, которой соответствует последовательность событий определенного вида. Эту последовательность можно продолжить. Вероятность какого-либо события определяется как утверждение о существовании предела относительной частоты членов последовательности в коллективе. Составной коллектив состоит из множества пар. Первый элемент пары принадлежит коллективу, в котором определяется вероятность H . Второй элемент – коллективу, в котором

Еще одним условием частотной теории вероятности является иррегулярность (randomness), которую нередко переводят как хаотичный, стохастический, рандомизированный. Это условие характеризует независимость предела относительной частоты от возможных выборок. По словам Г.Кайберга, «пределы относительных частот в стохастических коллективах могут служить моделью для исчисления вероятностей и, следовательно, предельно-частотная интерпретация действительно является одной из интерпретаций этого исчисления»³⁵. Возник ряд трудностей в связи с понятием

30 Там же.С.9.

31 «Коллектив – совокупность событий, или явлений, отличающихся друг от друга каким-либо доступным наблюдениям признаком» (Там же.С.16).

32 Там же.С.10.

33 «Целью всяких научных усилий является выявление связей между наблюдаемыми явлениями. Начиная с отдельных наблюдений общие утверждения выводятся конструктивно в качестве гипотез (так называемый индуктивный вывод) и далее путем непрерывного повышения точности понятий строятся аксиоматические системы» (Mises R. Von Positivism. A study in human understanding. Cambridge. 1951.P.369).

34 Там же.С.20.

35 Кайберг Г. Вероятность и индуктивная логика. М.ё978.С.65.

иррегулярности³⁶, которые я не буду описывать. Итак, вероятность $P(A)$ случайного события A представляет собой предел частоты $Ps(A)$ его появления при проведении опытов одинаковых условиях и устремления количества опытов N к бесконечности $P(A) = \lim_{N \rightarrow \infty} p_N(A)$ при $N \rightarrow \infty$. При небольших значениях N частота $p_N(A)$ может колебаться одинаково, но по мере увеличения N стабилизируется и при $N \rightarrow \infty$ стремится к определенному пределу $P(A)$.

Мизес всегда подчеркивал связь своих философско-методологических идей с идеями Э.Маха³⁷. Обсуждая вопрос о применимости теории вероятностей к измерению правдоподобным теориям, он подчеркивал, что теория вероятностей имеет дело с длинными последовательностями повторяющихся событий или массовых явлений, но конкурирующие теории не существуют в массовом масштабе, следовательно, «нет возможности приписать им численное значение вероятности»³⁸.

На смешение эмпирических и теоретических компонентов знания указывал шведский математик Г.Крамер: «Предлагаемое (Мизесом – авт.) определение вероятности приводит к смешению эмпирических и теоретических элементов, а современные, аксиоматические теории обычно избегают этого смешения.»³⁹. Крамер являлся сторонником трактовки теории вероятностей как математической дисциплины. Мизес же полагал (это очевидно из его посмертно опубликованной книге «Mathematical theory of probability. N.Y.,L., 1963.P. 45), что подобное смешение эмпирических и теоретических элементов присуще всякой точной науке. А.Я.Хинчин также обратил внимание на смешение эмпирических и теоретических элементов в трактовке теории вероятностей Мизесом: «По утверждению частотной теории среди существующих систем обоснования она одна создает для теории вероятностей возможность высказать утверждения, непосредственно рисующие реальное течение событий. Эта претензия основана на иллюзии. Частотная схема обоснования столь же мало, как и всякая другая, способна придать высказываниям теории вероятностей роль непосредственных, хотя и приближенных, предсказаний фактического течения того или иного явления; во всех системах обоснования при этом в одинаковой мере требуются дополнительные допущения, и частотная теория в этом отношении никакого преимущества и никакого исключения не составляет»⁴⁰. Хинчин решительно противопоставлял частотную теорию математической аксиоматизированной теории вероятностей. Он выступает здесь против т.н. субъективистской теории вероятности, защищаемой Р.Карнапом, и допускает возможность применения теории вероятности к вероятностным рассуждениям.

Однако А.Н.Колмогоров в статье 1963 г. попытался осмыслить идеи Мизеса с позиций аксиоматизированной теории вероятностей: «Я уже высказывал точку зрения, что основой применения математической теории вероятностей к случайным явлениям реального мира является частотный подход к вероятности в той или иной форме, неизбежность обращения к которому горячо отстаивал фон Мизес...Я пришел к выводу, что понятие случайного распределения может быть введено строго формально, а именно:

36 Там же.С.63-64.

37 Mises R. von Probability,statistics and truth. L.,1928.

38 Mises R. von. Positivism. A study in human understanding. Cambridge.1951. P.7.

39 Крамер Г. Математические методы статистики. М.,1948,с.72.

40 Хинчин А.Я. Цит. соч., С.87.

можно показать, что в достаточно больших совокупностях распределение некоторого свойства может быть таким, что частота его появления будет примерно одинаковой для всех достаточно больших выборок, если только закон выбора достаточно прост. Полное развитие такого подхода предполагает введение меры сложности алгоритмов»⁴¹. Но это уже новый этап в развитии теории вероятностей – построение аксиоматической теории вероятности, превращение идеи вероятности в математическую теорию вероятности.

3. Австрийская экономическая школа и идеи либерализма.

В Вене в конце 20-х – начале 30-х гг. сложилась экономическая школа, которая включала в себя К.Менгера, Л. фон Мизеса, Ф.Хайека и стала одним из форпостов политической философии либерализма. Будучи тесно связанной с экономической теорией предельной полезности, эта школа сформировала свой подход к социально-экономической реальности. В работах Л.фон Мизеса (брата Рихарда фон Мизеса) – «Человеческая деятельность», «Эпистемологические проблемы экономической науки» (1933), Ф.Хайека «Сциентизм и изучение общества» (1942-44) были раскрыты фундаментальные принципы экономической науки: порядок трактуется как совокупность индивидуальных действий, субъективная теория выбора и предпочтений человека, трактовка решений как результата субъективного выбора, осознание связи методологического индивидуализма с субъективизмом социальных наук⁴². Л. Мизес обосновывал экономическую теорию с помощью праксеологии – учения о человеческой деятельности, утверждения которой априорны, не подлежат верификации или фальсификации, предшествуют любому эмпирическому исследованию исторических фактов и составляет условие осмысления исторических событий⁴³. Человеческая деятельность и праксеология априорны и рациональны подобно логике и математике. В праксеологии в экономике, основанной на ней, большую роль играют априорные законы, т.е. логические утверждения, обладающие универсальной надежностью. Как возникает этот критерий универсальной надежности (validity) и в чем его функции, Мизес не объясняет. Ф.Хайек отмечает, что задача науки заключается в постоянном пересмотре картины мира, существующей у человека. Экономическая теория должна перейти от анализа отношений между вещами к изучению того воздействия, которое оказывают восприятие внешнего мира и знания о нем на индивидуальную деятельность, то, какую конфигурацию получают вещи в сознании действующих людей⁴⁴.

Теория предельной полезности, как известно, исходила из анализа потребностей и их удовлетворения, из способа понимания человеческой деятельности, сталкивающей с редкостью благ относительно потребностей. Начатая К.Менгером критика историцизма, была продолжена Л. фон Мизесом и Ф.Хайеком, которые связали историцизм с коллективизмом и государственным социализмом. Связь идей Ф.Хайека с идеями К.Поппера, развитыми в «Нищете историцизма», очевидна. Историцизм, в том числе и в экономической науке, был и для Хайека, и для Поппера источником тоталитаризма. Одним из проявлений тоталитаризма, согласно Хайеку, была идея планирования, которую отстаивал О.Нейрат. Хайек уже в 1933 г. отметил связь между коллективизмом,

41 Колмогоров А.Н. О таблицах случайных чисел. М.,1982.С.4-5.

42 Хайек Ф. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблении разумом. М.,2003.С.44-40.

43 Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск. 2005. С.33-34.

44 Хайек Ф. Цит. соч., С.40-41.

сциентизмом и программой коллективистского планирования. Самое главное, что отличает историцистскую философию истории (гегелевскую и марксистскую) от той философии истории, которую защищает австрийская экономическая школа, состоит в том, что для австрийцев история не рассматривается как направленное движение к некоей цели, для них история – это переплетение (нередко случайное) способов достижения людьми своих индивидуальных целей с такими итогами этой деятельности, которые зачастую не предполагались, не входили в их планы и были нежеланными. Для австрийцев исторические события с их единичностью и неповторимостью представляли собой нередуцируемое поле социальных наук. Австрийская экономическая школа выступила и с критикой метода понимания исторически уникальных событий, которому отдавал приоритет М.Вебер. Так, для Л.фон Мизеса обращение к методу понимания в социальных науках, прежде всего к пониманию человеческой деятельности, было тождественно отказу от построения теорий в социальных науках. Для него понимание – это способ восприятия уникального и иррационального, интуитивного постижения исторически единичного в противоположность абстрактному мышлению, которое всегда обращается к рациональным методам. Если историцизм проводит мысль о том, что структура человеческого мышления претерпевает эволюцию в ходе истории, и тем самым отказывается от самой возможности создания теоретической социальной науки, то Мизес настаивал на том, что можно построить теоретические социальные науки, что существуют регулярности во взаимной связи и в последовательности событий⁴⁵. На первых порах австрийская экономическая школа (в лице К.Менгера) отдавала приоритет эмпирически-индуктивным методам Д.С.Милля и неопозитивистов, то позднее между сторонниками этой школы возникли кардинальные различия в понимании метода: для Л.Мизеса таким методом служила праксеология, трактуемая как основание для каталактики (учения об обмене) и для либеральной политической философии, Ф.Хайек же исходил из осознания единичности и уникальности исторических событий, которые, по его мнению, должны быть поняты как объединенный результат множества сил, действующих на протяжении длительного исторического периода, и был ближе к той методологии, которую развил его друг К.Поппер в «Логике исследования» (1934), т.е. к методологии «критического рационализма» с его критикой историцизма и эмпирико-индуктивистской эпистемологии, с защитой гипотетико-дедуктивного метода. Хайек, подчеркивая, что человек не имеет дело с целостностями различных объектов: эти целостности представляют собой конструкции, а задача историка – приложить общие понятия при объяснении частных явлений⁴⁶. В отличие от историцизма, который настаивал на существовании в истории общих закономерностей, Хайек отрицал их существование. По его словам, историцизм ошибочно считал, что «человеческая история, представляющая результат взаимодействия бесчисленного множества человеческих умов, должна тем не менее подчиняться простым законам, доступным человеческому уму»⁴⁷. Для него критика сциентизма была не только критикой индуктивизма, проникшего из методологии естествознания в социальные, в том числе и в экономические, науки, но и критикой физикализма, связанного с неопозитивистской программой Венского кружка, в частности, с деятельностью О.Нейрата. Для Хайека социальные науки основываются на определенных теоретических концепциях о внешнем мире, о других людях и о самом себе

⁴⁵ Мизес Л. фон. Теория и история. Челябинск. 2007. С.178-179;

⁴⁶ Хайек Ф. Цит. соч., С.94-96.

⁴⁷ Там же. С.99.

и именно эти концепции определяют человеческую деятельность. Задача социальных наук – постичь тот смысл, который вкладывают люди в свои действия, объяснит преднамеренные и непреднамеренные результаты человеческой деятельности⁴⁸. Хайек противопоставляет истинный и ложный индивидуализм, связывая первый с английской традиции либерализма, а второй – с французской традицией, идущей от Декарта, энциклопедистов и Руссо и представляющей социальные институты как результат рационального планирования. Он посвятил специальную главу «Ошибки конструктивизма» в книге «Право, законодательство и свобода», в которой связал заблуждения рационалистического конструктивизма со стремлением объяснить формирование социальных институтов сознательными действиями людей, а их изменения – с изменениями рациональных стремлений и мотивов. Генезис социального порядка, согласно Хайеку, нельзя объяснить сознательным результатом человеческого сознания и воли, его истоки следует искать в сети взаимодействий действий, коренящихся во фрагментарном характере человеческих знаний, и стихийной координации усилий множества индивидов. Тем самым Хайек осознает неустранимость человеческого неведения, идея, которая была основанием его концепции политического и социального порядка и вместе с тем близка идее Поппера о фаллибилизме как характеристике принципиальной погрешности и ошибочности человеческого знания. Позиция методологического индивидуализма, или социального номинализма, отстаиваемая Хайеком и близкая позиции методологического номинализма К.Поппера, исходит из действий отдельных людей, объясняя генезис социальных институтов (например, государства) как непреднамеренный результат человеческих действий, решающих проблемы в контексте фрагментарности, ограниченности и ошибочности своих знаний. Вообще-то проблема генезиса социальных институтов представляет большую трудность для австрийской экономической школы, поскольку они не допускают существования надындивидуальных структур помимо и над действиями отдельных людей. Сутью «композитивного метода» социальных наук, согласно Хайеку, является требование исходить «только из тех представлений, которые индивидуумы руководствуются в своих действиях» и объяснять возникающие общие представления как композиции представлений отдельных индивидуумов⁴⁹.

Как Л.фон Мизес, так и Ф.Хайек выступили с критикой физикализма⁵⁰. Однако эта критика осуществлялась ими с разных позиций: Мизес отстаивал позиции априорных аксиом праксеологии, которые не могут быть изменены или опровергнуты с помощью эмпирического опыта, Хайек – же настаивал на субъективизме экономической теории предельной полезности. Знание распределено между отдельными индивидами и не

48 «Ошибка, состоящая в том, что целостности, представляющие собой лишь конструкции и не могущие иметь никаких свойств, кроме тех, которые задаются способом их конструирования из определенных элементов, принимаются за четко очерченные объекты чаще всего, по-видимому, встречается в разного рода теориях «общественного», или «коллективного», разума» (Хайек Ф. Цит. соч., С.81).

49 Хайек Ф. фон. Сциентизм и изучение общества // Хайек Ф. фон. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблении разумом. М., 2003. С.57.

50 Неопозитивисты считали, что «процедуры физики являются единственно научным методом всех отраслей науки», отрицая существование принципиальных различий между естественными и социальными науками в их методах (Мизес Л. фон. Теория и история. Челябинск. 2007, с.218), хотя целый ряд высказываний Мизеса, в частности, в книге «Ultimate Foundation of Economic Science: An Essay on Method». (Princeton. 1962) о преемственности методологии Поппера и методологии Венского неопозитивистского кружка, неверны

существует в некоей интегрируемой форме⁵¹. Это означает, что эпистемология у Хайека оказывается социальной эпистемологией, она включает в себя исследование социального распределения фрагментов знания между отдельными индивидами, изучение генезиса и функционирования социального порядка, формирующегося в результате взаимодействия индивидов. Конечно, возникает трудный методологический вопрос о том, можно ли свести, или редуцировать теорию совокупных социальных действий к теории индивидуальных действий при уяснении конкретных условий. В которых действуют люди. Одни из экономистов и методологов (например, Э. Нагель, Р.Нозик) полагали, что такой подход предполагает такого рода редукцию, другие, наоборот, видели в этом не редукцию, а генетическое прослеживание сложных явлений из исходных начал (Р.Кубедду и др.). По моему мнению, речь здесь не идет о редукции социальных структур к индивидуальным действиям, поскольку функции социальных институтов усматриваются в выявлении и легитимации совокупности правил, обеспечивающих достижение максимального количества социальных благ при ограниченных ресурсах и неограниченных потребностях и целях индивидуумов. Тем самым социальные институты трактуются как способы легитимации субъективных требований, что обеспечивает процесс принятия решений в условиях редкости власти. Иными словами, власть трактуется по аналогии с редкостью социальных благ. Речь у Хайека идет об индивидуальных убеждениях и установках. Эти убеждения и установки, хотя и можно классифицировать по определенным типам, но эти типы не являются объектами, а конструируемыми типами. Они «выступают просто как элементы, из которых мы строим структуру возможных отношений между индивидуумами»⁵². Социальный порядок возникает из индивидуальных действий, но не замышляется каким-то одним индивидом. Этот же мотив методологического индивидуализма в социальных науках отстаивал и Л.Мизес⁵³.

Субъективизм методологии австрийской школы связан и с анализом выбора человека, который обусловлен его ценностями и ценностными суждениями. Правда, сам Мизес отказывается обсуждать вопрос о том, как формируются ценности и ценностные суждения в разуме человека, подчеркивая, что именно благодаря праксеологии и благодаря идее рациональности осуществляется приписывание условиям индивидуальных действий причинно-следственных связей. Для Хайека ценности – то, чем руководствуется человек в течение большей части своей жизни. Он отличает их от конкретных целей, которые человек ставит перед собой в тот или иной момент. Ценности имеют интерсубъективный характер, общими мнениями, правилами и ценностями, принимаемыми людьми в открытом обществе. В этом обществе (обращаю внимание на то, что Хайек использует терминологию К.Поппера) общими являются, как подчеркивает Хайек, лишь мнения, но не воля, направленная на конкретные цели. Не затрагивая вопрос о политической

51 Хайек Ф. Использование знания в обществе // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. М., 2000. С.89-90.

52 Хайек Ф. фон. Контрреволюция науки юю С.57.

53 «все действия совершают отдельные люди, потому что социальный коллектив не обладает автономным существованием и реальностью, которые были бы отличны от действий его индивидуальных членов. Жизнь коллектива складывается из действий отдельных людей, из которых он состоит....Реальность социального целого выражается в том, что оно управляет конкретными действиями отдельных людей и создает возможность для них. Итак, путь познания коллективных целостностей идет через анализ действий отдельного человека» (Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск. С.42-43.

философии австрийской экономической школы и о различиях между К.Менгером, Л.Мизесом и Ф.Хайеком, отметим, что они различали порядок, созданный людьми при достижении определенных целей, и порядок, независимый от людей. Для первого Хайек использовал термин «таксис», для второго – «космос». Социальные институты, по Хайеку, являются совокупностью традиций и норм поведения. Это «номос», а его правила – это правила, возникшие в результате действий людей, но не в соответствии с их замыслом⁵⁴. Выступая против утопических моделей будущего общества, Хайек возлагает надежды на правовое общество, где правят законы, которые направлены на «максимально возможное улучшение шансов любого случайно выбранного человека» (подчеркнуто мною – авт.), а его «исходное положение будет зависеть только от случая»⁵⁵. Экономическая теория Венской школы была теоретической основой ее политической философии и политической программы либерализма⁵⁶.

Как же связана эта политическая философия, экономическая теория и политическая программа с идеей вероятности и с пробабиллизмом как миропониманием? Надо сразу же сказать, что понятия и методы теории вероятности не используются в австрийской экономической школе. Более того, Л.фон Мизес в противоположность своему брату Р.фон Мизесу – одному из защитников теории вероятности как естественнонаучной теории терпеть не мог математику. Можно оспаривать мнение Б.Селигмена о том, что «Людвиг фон Мизес редко прибегает к использованию математики в экономике и отрицает возможность предвидеть будущие события даже в вероятностных категориях. При объяснении событий нельзя использовать количественные понятия, потому что в смысл событий можно проникнуть только с помощью «понимания»⁵⁷. Можно оспаривать эту мысль Селигмена, поскольку Мизес отдавал предпочтение методу понимания лишь на определенном этапе своего развития, одновременно критикуя М.Вебера и его «понимающую социологию». Однако трудно оспорить то, что Л. Мизес отвергал математический метод и ее понятия, полагая, что математика бесплодна в экономической науке. Более того, он считал, что математический метод является неправильным методом, который исходит из неверных предпосылок и ведет к неправильным методам. Однако модель денежного обращения, кругового потока денег, исходившая из элементов человеческих действий, может быть описана и построена с помощью аппарата и методов математики. И это признавал в своих ранних работах Л.фон Мизес. Отношение Ф.фон Хайека к математике и к теории вероятности гораздо более осмотрительная. Хотя он также редко говорит об использовании математики в экономической науке, он гораздо более тесно связан с идеями К.Поппера, с его критикой наивного индуктивизма и реформированием метода науки в духе гипотетико-дедуктивного метода⁵⁸. Сам Поппер

54 Хайек Ф. фон. Правила и порядок // Хайек Ф. фон. Право, законодательство и свобода. М., 2006. С.36.

55 Там же. С.294 и далее.

56 О политической философии Венской школы см.: Кубедду Р. Политическая философия австрийской школы: К.Менгер, Л.Мизес, Ф.Хайек. М., 2008; Homage to Mises. Ed. Andrews J.K. Hillsdale, Mich., 1981, Barry M.P. Hayeks Social and Economic Philosophy. London. 1979, Blaug M. The methodology of Economics. Cambridge. 1980, Essays on Hayek. Ed. Machlup F. London. 1977, Hayek on the Fabric of Human Society. Eds. Batler E., Pirie M. London. 1987, Friedrich Hayek: Philosophie, economic et politique. Montreal. 1988, Heine W. Methodologische Individualismus. Wurzburg. 1983, The Foundation of Modern Austrian Economics. Kansas, 1976, Die Wiener Schule der Nationaloeconomie. Wien. 1986, Kukathas C. Hayek and Modern Liberalism. Oxford. 1989, Austrian Economics: Historical and Philosophical Background London. 1986.

57 Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1998. С.309.

58 Об отношениях Ф.Хайека и К.Поппера см.: Boland L.A. The Foundations of Economic Method. London. 1982. P.

неоднократно ссылается на исследования Ф.Хайека в книге «Открытое общество и его враги»⁵⁹. В своей автобиографии Поппер заметил, что в «Открытом обществе» его задачей было «обобщить метод экономической теории (теории предельной полезности) таким образом, чтобы его можно было применять в других теоретических социальных науках»⁶⁰.

Действительно, методология Венской экономической школы – это методологический индивидуализм, или методология номинализма в социальных науках. Она исходит из многообразия и множества индивидуальных действий, которые, складываясь в коллективные действия, обусловлены индивидуальными мотивами и целями, выбором человека, нередко осуществляемого в ситуации неопределенности, в условиях фрагментарности и погрешности рационального знания, конкуренции в условиях редкости материальных и интеллектуальных ресурсов. В 1968 г. Ф.Хайек сделал доклад «Конкуренция как процедура открытия», в котором он показал коррелятивность между конкуренцией как механизмом рыночной экономики и научным исследованием, открывающим нечто новое. «Своеобразие конкуренции заключается в том. Что в конкретных ситуациях, когда она значима, ее действие не может быть проверено, а может быть лишь засвидетельствовано тем фактом, что рынок будет выигрывать при сравнении с любым альтернативными социальными механизмами. В этом общность конкуренции с научным методом : преимущество принятых научных процедур также никогда не могут быть доказаны научно, а могут быть лишь продемонстрированы повседневными опытом, показывающим, что в общем и целом эти процедуры лучше , чем альтернативные подходы, приспособлены к подтверждению наших ожиданий»⁶¹. Объединяет конкуренцию и научное открытие непредсказуемость результатов, риск, расхождение между тем, что ожидается, и тем, что достигается, поиск неиспользованных возможностей, дух инициативы и предприимчивости, ответственность за получаемые результаты. Но ведь именно эти мотивы и были в центре внимания Венской экономической школы!

Резюмируя проведенный анализ, можно сказать, что пробабилистский взгляд на мир и на познание нашел свое воплощение не только в методологии естественных наук, но и в социальных науках, прежде всего в экономической теории. Методологический индивидуализм, или номинализм, утвердившийся в Венской экономической школе, искал свое обоснование не в неокантианстве, как полагают некоторые истории экономической мысли, а в вероятностном миропонимании и вероятностной эпистемологии, наиболее четким выразителем которых была философия К.Поппера. Этот пробабилистский подход реализовался и в интерпретации «массовых процессов» как непреднамеренного результата рациональных действий индивидов, в понимании законов как законов-тенденций и вероятностных трендов, в осознании важной роли альтернативных сценариев развития индивидуальных действий, в представлениях о принципиальной фрагментарности и погрешности человеческих знаний, и, наконец, в критике догматического и утопического историцизма, в противовес которому Венская экономическая школа отстаивала позиции

169 и далее.

59 Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.1.М., 1992. С.27, 258,353-354, 391; Т.П. М.,1992. С. 348,370,382,391,398,414,458.

60 Popper K. Unended Quest:An Intellectual Autobiography. London. 1976/P.117-118.

61 Хайек Ф. фон. Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. М.,1989.№12.С.7.

либерализма, а не тоталитаризма.